

После того как Лю Сымин впервые потерпел неудачу в погоне за девушкой, во втором семестре второго курса он написал эту дневниковую запись. Тогда я думал: ну что ты, в конце концов, полно на свете хороших девчонок! Утешил его и не придавал этому никакого значения, но теперь-то гляжу — чёрт! Кажется, всё не так уж просто. Если бы тогда старик я заметил, что с ним что-то не так, возможно, сегодня не было бы столь печального конца. Сам текст скопирован ниже:

Мне, кажется, не суждено получить безусловную любовь от других. Даже если я её обрету, то непременно невольно потеряю.

Любовь для меня имеет свои условия, и стоит мне перестать им соответствовать, как я начинаю метаться, словно бездомная собака, в страхе и трепете ожидая неизбежного изгнания.

В тот год, когда я оканчивал начальную школу и готовился поступать в среднюю, мама пообещала: если я сдам экзамены в пятизвёздочную ключевую городскую среднюю школу, то она купит мне тот самый новенький горный велосипед и полный комплект одежды от Nike, о которых я так мечтал. Ничего не понимающий ребёнок, словно накачанный энергетиком, радостно и усердно принялся за учёбу, воображая, как буду рассекать на крутом велосипеде, а друзья столпятся вокруг, глядя на меня с завистью. И вот в шестом классе мои успехи взмыли ввысь — я разом вырвался из середняков в первую тройку класса. Можно сказать, любые школы города были открыты для меня.

Однако наша маленькая семья была слишком бедна: мама — рабочая, папа — тоже рабочий. Наших доходов не хватило бы, чтобы безбедно тянуть плату за обучение в пятизвёздочной школе. Я с показным пониманием дела сказал: мама, давай поступим в четырёхзвёздочную среднюю школу! В четырёхзвёздочной мы ещё сможем попасть в их усиленный класс! Уж лучше быть первыми в деревне, чем последними в городе! Родители посмотрели на меня с облегчённой улыбкой. Это была и могила, которую я выкопал себе сам: у родителей появился законный повод отказать мне в покупке горного велосипеда и вещей от Nike. Nike образца 2008 года — до чего же это было манящее слово! Коби был на пике славы, а экипировка с логотипом Nike, чьим амбассадором выступали Лейкерс, обожалась всеми детьми и взрослыми... Моё сердце обливалось кровью, но маленький я не мог произнести ни слова: они были правы, ведь от собственной мечты отказался я сам...

Детские раны со стороны кажутся заживающими мгновенно — проснулся утром, и всё забылось. Только я, студент второго курса, теперь знаю: боль в раннем возрасте бывает тупой, она незаметно истязает человека с течением времени. Пуля, выпущенная десять лет назад, поражает в лоб лишь спустя десятилетие.

Ребёнком я любил читать притчу о том, как Цзэн Цзы зарезал свинью. Тогда мне было шесть лет, я обнимал толстый толковый словарь и учился лепетать слова. Жена Цзэн Цзы собралась на рынок, а сын увязался за ней и горько плакал, не отпуская. Тогда госпожа Цзэн сказала ему: перестань баловаться, будешь послушным — я вернусь с базара и зарежу свинью, приготовлю тебе мясо. Услышав про свинину, которую обычно давали только на Новый год, мальчишка решил, что раз ради неё нужно просто послушно посидеть дома и не капризничать, то сделка невероятно выгодная! И он послушно остался на месте, не обращая внимания на

зававших его гулять приятелей. Наконец госпожа Цзэн вернулась. Цзэн Цзы собрался зарезать свинью, но жена попыталась его остановить, говоря, что всего лишь пошутила, успокаивая ребёнка. Цзэн Цзы тут же ответил: ребёнок ещё ничего не понимает и во всём подражает родителям. Обманывать его сейчас — значит учить его лжи. И, не откладывая дело в долгий ящик, Цзэн Цзы зарезал свинью.

Обманула ли меня мать? Не знаю. Наверное, у детей из бедных семей даже любовь какая-то нищая. Родители ведь были правы: я действительно не поступил в городскую ключевую школу. Но ведь те усилия, что я приложил, были самыми настоящими, неужели меня не стоило похвалить?..

Впрочем, тогда я не думал об этом так глубоко — дети от природы восстанавливаются быстрее взрослых. Я всё ещё утопал в пьянящей гордости от того, что попал в спецкласс четырёхзвёздочной школы, совершенно не осознавая, что в моём подсознании постепенно укореняется мысль: «старания остаются без вознаграждения», — мысль, которая в итоге привела меня на дорогу, с которой нет возврата. Теперь-то я вижу, что моя судьба была предрешена в тот самый миг, когда я попытался заслужить одобрение взрослых.

В средней школе я ещё острее осознал, что такое бедность. В тот момент я внезапно понял, что моё детство ушло навсегда, ведь с той самой минуты меня начали сопровождать тревоги. В детстве, с кем бы я ни ссорился, как бы ни дрался со сверстниками или ни конфликтовал с родителями, стоило мне выспаться — и наступал новый день. Однако после того дня я стал жить рука об руку с меланхолией: каких бы успехов я ни добивался, она, словно тень, нависала над всей моей дальнейшей жизнью. Думая об этом, я шагал по дороге в среднюю школу. То был, пожалуй, самый заурядный полудень. Мы с одноклассниками, все как один в школьной форме, беззаботно болтали в классе. Вдруг зашел разговор о прыжках. Некоторые выросли очень быстро и начинали покрываться прыщами еще в первом классе средней школы, так что кое-кто уже вовсю делился опытом борьбы с ними. Я слушал с неподдельным интересом, но тут услышал вещи, о которых прежде и не слыхивал: названия брендов очищающих пеннок для лица, а также порожденное этими брендами чувство превосходства и цепочку презрения. Всё это было для меня внове, и в тот самый миг я отчетливо осознал собственную нищету. Казалось, мы живем в одном измерении, но на самом деле — в совершенно разных мирах. Моя мать никогда не пользовалась косметикой, а единственным средством ухода за кожей в доме был бесплатный уреагелевый крем, который приносили с работы родители. А у сидевшего передо мной одноклассника мать была генеральным дистрибьютором крупной косметической компании: она каждый день приходила за ним в школу и уводила его домой при полном параде, ярко накрашенная и сияющая. Я не смел признаться им, что мои родители — простые рабочие, и лишь говорил, что они тоже работают неподалеку. Ребята не стали расспрашивать дальше, а я продолжал притворяться счастливым, изо всех сил стараясь быть душой компании — казалось, это помогало скрыть тоску, разъедавшую душу. Если в прошлом беззаботность проистекала из того, что я просто не осознавал своей бедности, то теперь мне приходилось лишь напускать на себя важный вид.

Позднее, после моих долгих уговоров и мольбы, во втором классе средней школы у меня появились первые в жизни компьютер и велосипед — правда, по сравнению с вещами других сверстников, они опоздали и были гораздо хуже. Компьютер представлял собой подержанный системный блок, который родители за двести юаней неизвестно где раздобыли; стоило потерять бдительность, как он зависал. Но для меня, жадного до знаний подростка, это было

бесценным сокровищем. На нем я научился играть в Растения против Зомби и в каждый никому не нужный уик-энд под музыку из садового уровня тихонько дремал перед монитором. Велосипед же достался отцу в качестве подарка на работе в мебельной компании, и на нем красовался логотип этой фирмы. Поначалу я совсем не хотел им пользоваться: у него была кричащая расцветка и огромный безобразный логотип, совсем не похожий на Giant, на которых ездили остальные. Но раз уж это был отцовский подарок — пусть и запоздавший на два года и не оправдавший ожиданий, — я все равно напустил на себя радостный вид, чтобы мы с родителями смогли с этим смириться.

Очень скоро между мной и родителями вспыхнули разногласия. Моя успеваемость покатила вниз, ведь даже на уроках я думал о том, как пройти бесконечные уровни с зомби, а на переменках тащил Хуа-гэ обсуждать тактику борьбы с ними. Хуа-гэ считал, что против зомби нужно непременно безостановочно призывать самых крутых ледяных арбузов, а я был уверен, что лучше высаживать побольше гигантских колючек, потому что они могли выдержать множество атак зомби-великанов. Десять лет спустя я, конечно, понял, что оба мы были неправы, но тогда интернет работал плохо — повсюду была лишь третья сеть, — да и я толком не понимал, где искать руководства. Так что до самого поступления в университет вопрос о том, что же лучше сажать — колючки или ледяные арбузы, так и остался для меня загадкой.

Родители не могли спокойно смотреть на то, как мои оценки падают. Для них в нашей бедной семье единственным, чем можно было гордиться, были блестящие успехи ребенка в учебе, а стоило лишиться и этого, как они потеряли бы всякое право голоса перед родственниками. Они начали ограничивать время, которое я проводил за играми: сначала сократили его, а затем и вовсе запретили. Из-за этого конфликты с родителями разгорались все сильнее, доходя до полного беспредела. Каждые два дня — мелкая ссора, каждые три — крупная скандала; на моем лице больше не было беззаботной улыбки, ее заменили гнев и упрямство.

Так нищета красной нитью прошла через все мое детство. Она наделила меня каким-то необъяснимым упрямым достоинством, из-за которого я находил отклик в стихах Ли Бо и Ду Фу; но куда сильнее в меня въелась уходящая в самую кость неполноценность и напускное высокомерие, призванное ее скрыть. Я начал мерить ценность человека исключительно по оценкам: перед тем, кто учился хорошо, я заискивал, а того, кто учился плохо — презирал. И все же передо мной неотступно стоял вопрос, который я никак не мог разрешить: почему некоторые ученики, учившиеся из рук вон плохо, тем не менее каждый день выглядели счастливыми и сияли от радости?

<http://bllate.org/book/20883/2111624>